

Oleg A. Lekmanov

Princeton University

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0784-5930>

ResearcherID: K-8653-2015

Scopus Author ID: 36160119900

lekmanov@mail.ru

On Constructing a History of Soviet Literature (1917–1953)

Annotation. The article proposes a periodization of Soviet Russian literature (1917–1953), identifying four distinct phases marked by the evolving relationship between the state and writers:

1917–1929 – A period of relative pluralism, as the Bolsheviks, preoccupied with the Civil War and consolidation of power, could not fully control literary life. However, the establishment of Glavlit in 1922 laid the foundations for censorship. The 1929 campaign against the All-Russian Union of Writers signaled the end of this relative freedom.

1929–1941 – The tightening of state control. In 1932, RAPP was dissolved, and the Union of Soviet Writers began to take shape. The First Congress of Writers (1934) institutionalized socialist realism, turning literature into a propaganda tool. While many authors embraced loyalty, others (Akhmatova, Kharms) chose strategies of silence or "underground" writing.

1941–1946 – The wartime period saw a temporary relaxation of ideological pressure, allowing writers to address readers as "brothers and sisters." Yet even then, boundaries were strict, as seen in the reception of Isakovsky's poetry or the suppression of texts like Vsevolod Petrov's novella.

1946–1953 – Post-war repression, culminating in the 1946 decree against the journals *Zvezda* and *Leningrad*, which targeted Akhmatova and Zoshchenko. This era ended only with Stalin's death in 1953.

I emphasize that Soviet literary history reflects both state coercion and writers' resistance strategies: from full compliance (Mayakovsky) to silent defiance (Akhmatova) or "desk-drawer" literature (Kharms, Petrov). Special attention is paid to children's literature as a "niche" for dissident authors and the mechanisms of hierarchy within the Writers' Union.

Keywords: History of Russian literature, Soviet literature, Socialist Realism, propaganda, First Congress of Soviet Writers

Лекманов Олег Андершанович

Принстонский университет

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0784-5930>

ResearcherID: K-8653-2015

Scopus Author ID: 36160119900

lekmanov@mail.ru

К ПОСТРОЕНИЮ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ (1917–1953)

Аннотация. Статья посвящена периодизации истории русской литературы советского периода (1917–1953). Автор выделяет четыре ключевых этапа, каждый из которых характеризуется специфическими тенденциями во взаимодействии государства и писателей:

1917–1929 – период относительного плюрализма, когда большевики, занятые Гражданской войной и становлением власти, не могли полностью контролировать литературный процесс. Однако уже в 1922 году создание Главлита положило начало цензурной системе. Важным событием стала кампания 1929 года против Всероссийского Союза писателей, ознаменовавшая конец эпохи относительной свободы.

1929–1941 – эпоха ужесточения контроля. В 1932 году был распущен РАПП и началось формирование единого Союза советских писателей. Первый съезд писателей (1934) утвердил метод социалистического реализма, превратив литературу в инструмент пропаганды. Многие писатели демонстрировали лояльность, тогда как другие (Ахматова, Хармс) выбирали стратегии молчания или ухода в «катакомбную» литературу.

1941–1946 – военный период, когда государство временно ослабило идеологический пресс, позволив писателям говорить от лица «братьев и сестёр». Однако даже в это время границы дозволенного оставались жесткими, о чём свидетельствует судьба стихов Исаковского и запрещенных текстов вроде повести Всеволода Петрова.

1946–1953 – послевоенное ужесточение, кульминацией которого стало постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946), разгромившее Ахматову и Зощенко. Этот этап завершился лишь со смертью Сталина в 1953 году.

В статье делается вывод, что история советской литературы — это история давления государства и стратегий сопротивления ему: от полного подчинения (Маяковский) до молчаливого неприятия (Ахматова) или создания текстов «в стол» (Хармс, Петров). Особое внимание уделяется роли детской литературы как «ниши» для неугодных авторов и механизмам формирования литературной иерархии через Союз писателей.

Ключевые слова: история русской литературы, советская литература, социалистический реализм, пропаганда, I съезд советских писателей

Точно датировать начало длительного периода развития русской литературы XX века, о котором далее пойдет речь, легко: 27 октября (9 ноября – по новому стилю) 1917 г. Советом Народных Комиссаров был принят декрет о печати, подписанный председателем Совнаркома В. И. Лениным. Принятие этого декрета позволило большевикам, ранее критиковавшим Временное правительство, в том числе, и за отсутствие в стране свободы печати, закрыть неугодные новой власти оппозиционной газеты. Принятые меры объявлялись в декрете вынужденными и краткосрочными и мотивировались следующим образом: «Всякий знает, что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы. Вот почему и были приняты временные и экстренные меры пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса. Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены; для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону» [10, с. 24].

Реестр перечисленных в декрете причин, которые позволяли Совету Народных Комиссаров закрыть то или иное издание, выглядел следующим образом: «Закрытию подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому Правительству, 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов, 3) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно-наказуемого характера» [10, с. 25].

Если первый и третий пункты этого реестра вполне конкретны, то второй пункт предоставлял власти предельно широкие возможности для маневра, поскольку давал ей возможность самóй решать, какие печатные материалы сеют «смуту путем явно клеветнического извращения фактов», а какие нет.

Мы дважды процитировали этот документ потому, что он, во-первых, ясно показывает, сколь важное значение большевистское правительство уже с начальных дней своего утверждения во власти придавало печатному слову, и, во-вторых, демонстрирует метод, который позволял Ленину и его соратникам эффективно бороться с неугодными им изданиями и авторами: критерии дозволенного и недозволенного сознательно размывались, что позволяло государству произвольно манипулировать запретами и разрешениями.

Разумеется, ни в какую эпоху и никакое государство не приветствовало писательского инакомыслия, и во все времена оно стремилось это инакомыслие искоренить. Но если говорить об истории России, никогда еще государство столь серьезно не относилось к функции и силе печатного слова («оно не менее опасно <...>, чем бомбы и пулеметы») и, соответственно, не стремилось взять писателя под абсолютный идеологический контроль и поставить его себе на службу.

Еще в статье 1905 г. «Партийная организация и партийная литература» Ленин с предельной откровенностью сформулировал программу действий будущего идеального государства по отношению к писателям и журналистам: «Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами – все это должно стать партийно-подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобломовского, полуторгашеского российского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает» [21, с. 101–102].

Если заменить в процитированном фрагменте определение контролирующей процесс инстанции и вместо «организованный социалистический пролетариат» подставить «партийная верхушка государства и ее лидер, действующие от лица пролетариата», то можно будет констатировать, что именно ленинская программа, то более, то менее последовательно воплощалась в Советском Союзе на протяжении всех лет его существования.

Далее в своей статье Ленин, вроде бы уточняет и урезонивает либерального читателя: «Успокойтесь, господа! <...> речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений» [21, с. 102]. Однако потом следует неизбежное «но»: «Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то» [21, с. 102–103].

После созыва Первого съезда советских писателей в 1934 г. эта ленинская оговорка превратилась в анахронизм. Все писатели, жившие в стране, должны были или стать советскими, или забыть о печатном станке. А быть советским писателем стало означать – строго подчиняться партийным указаниям и постановлениям. Соответственно, вся подцензурная советская литература должна была превратиться в партийную литературу, и по отношению ко всем советским писателям у государства появилась официальная возможность, «заключать или расторгать союз», то есть – допускать или не допускать к печати произведения писателя, а, значит, платить или не платить писателю за его труд. Впрочем, к 1934 г. государство, вступая во взаимодействие с писателями уже давно использовало не только метод пряника (допущение текстов к печати, денежные гонорары и всевозможные льготы), но и метод кнута (высылки из страны, ссылки, лагеря и даже физическое устранение).

Поэтому история литературы советского времени это в немалой степени история давления государства на писателей, а также – история многообразных вариантов реакции писателей на давление со стороны государства: от полного добровольного подчинения до попыток игнорирования и даже сопротивления.

Самым ярким из советских писателей, которые поставили себе задачу стать проводниками партийных установок, безусловно, был Владимир Маяковский. К Октябрю 1917 г. его главная тема (индивидуалистическое воспевание собственной личности и вписывание ее в окружающий мир) уже почти исчерпалась, и поэт с благодарностью открыл для себя новый путь и новый образ – занятого повседневным и порою грязным трудом работника на службе у советского государства. Отсюда яркая автохарактеристика в предсмертной поэме Маяковского «Во весь голос» (1929–1930): «Я, ассенизатор/ и водовоз, / революцией / мобилизованный и призванный» [26, с. 279]. Целые тома собраний сочинений поэта советского периода заполнены, за единичными исключениями, сугубо функциональными, газетными текстами, поденщиной, обслуживающей сиюминутные интересы государства – от сатирических стихотворений о плохом качестве мороженого до рекламы советских товаров. Нужно при этом понимать, что Маяковский, действительно, «всю свою звонкую силу поэта» [25, с. 249] вложил в службу советской власти, каждый газетный и рекламный повод он воспринимал, как серьезную, ответственную задачу и имел право с гордостью написать в автобиографии «Я сам» (1928): «Несмотря на поэтическое улюлюканье, считаю “Нигде кроме как в Моссельпроме” поэзией самой высокой квалификации» [24, с. 27].

На противоположном полюсе по отношению к советскому государству находились в эту эпоху Анна Ахматова и двое участников группы ОБЭРИУ – Александр Введенский и Даниил Хармс.

Позиция Ахматовой состояла в неакцентированном отказе от диалога с советским государством, а, точнее говоря, в отказе от уступок государству в этом диалоге. Чрезвычайно показательным кажется нам следующий фрагмент из письма, накануне Первого съезда советских писателей отправленного П. Ф. Юдиным А. А. Жданову:

«Заявления о принятии в С<оюз> П<исателей> написали буквально все писатели. Не осталось ни одного писателя, за исключением А. Ахматовой, которые не подали бы заявления в Союз. Только она одна не подала такого заявления» [43, с. 52].

Для очень большого количества читателей и писателей, не настолько твердых в отстаивании своих моральных принципов, само знание о том, что где-то в Ленинграде живет Ахматова, было подспорьем и утешением. Главные ахматовские стихи в 1930-е гг. не печатались, но она не только говорила за всех («И если заткнут мой измученный рот, / Которым кричит стомиллионный народ» – «Реквием») [2, с. 312], но и молчала за всех. В 1964 г. Ахматова ретроспективно опишет свое положение в литературе советского времени следующим образом:

А я молчу, я тридцать лет молчу.
Молчание арктическими льдами
Стоит вокруг бесчисленными ночами,
Оно идет гасить мою свечу.
Так мертвые молчат, но то понятно
И менее ужасно.....
Мое молчанье слышится повсюду,
Оно судебный наполняет зал,
И самый гул молвы перекричать
Оно могло бы, и подобно чуду
Оно на всё кладет свою печать.
Оно во всем участвует, о Боже!
Кто мог придумать мне такую роль?
Стать на кого-нибудь чуть-чуть похожей,
О Господи! – мне хоть на миг позволь.

[1, с. 209–210]

Поэтому так громко прозвучали во время Великой отечественной войны ахматовские патриотические стихи и так страшно – написанный в надежде спасти сына цикл «Слава миру», опубликованный в 1950 г. в нескольких номерах журнала «Огонек» и содержащий стихотворения, которые воспевали Сталина.

В отличие от Ахматовой, Хармс и Введенский никогда не писали произведений, прямо направленных против произвола советской власти. Они, как точно сформулировала М. О. Чудакова в серии устных докладов на Тыняновских чтениях в Резекне, были не антисоветскими авторами, а несоветскими. И это перекрывало взрослым произведениям Хармса и Введенского доступ к печати, то есть к читателям, что, конечно, угнетало обэриутов и их ближайших друзей и единомышленников. «Писать для самого себя – все равно что острить наедине с собой, не смешно, – с горечью признавался в одном из разговоров, которые велись в обэриутской среде Николай Олейников. – Нужно иметь людей, в расчете на которых пишешь» [22, с. 375]. Однако и награда за пренебрежение печатным станком была очень высокой. Взамен актуальных читателей Хармс, Введенский, да и Олейников, как авторы произведений для взрослых, обрели свободу творчества. Они могли писать и писали, совершенно не ориентируясь на указания и запреты советского партийного начальства.

Понятно, что двумя самыми радикальными вариантами ответа на давление со стороны государства – полная лояльность vs. игнорирование – возможности советских писателей не ограничивались. Существенно также, что и государственный пресс в разные годы и в разных сферах воздействовал на писателей с неодинаковой силой: он менял профиль и силу давления: какие-то выступающие его части давили до конца, до уничтожения, в других же – обнаруживались зияния, которые могли служить какое-то время нишами, и даже – отверстиями с выходами на поверхность. Поиски этих ниш и этих выходов требовали от живых сил литературы повышенной и непрестанной энергии. [40]

Изучение взаимодействия государства и литературы не в статике, а в динамике требует от исследователя концептуальной (пусть и не строгой) периодизации того продолжительного этапа эволюции русской литературы, который определяется как литература советского времени. Для отрезка, совпадающего с годами правления в СССР В. И. Ленина и И. В. Сталина мы предлагаем такую рабочую разметку на периоды:

- I. 1917–1929
- II. 1929–1941
- III. 1941–1946
- IV. 1946–1953

Верхняя граница первого периода задана опубликованием «Декрета о печати»; нижняя (и, соответственно, верхняя граница второго периода) – кампанией, с 26 августа 1929 г. развернутой против Всероссийского Союза писателей. Нижней границей второго периода (и, соответственно, верхней границей третьего периода) мы предлагаем считать начало 22 июня 1941 г. Великой отечественной войны. Нижнюю границу третьего периода (и

верхнюю границу четвертого периода) обозначило постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», датированное 14 августа 1946 г. И, наконец, четвертый период завершился смертью Сталина 5 марта 1953 г.

1. Первый период, который хронологически почти совпадает с двадцатыми годами XX столетия, характеризуется относительным плюрализмом самовыражения писателей, живших в это время в Советской России. Хотя государство сразу же четко обозначило свое стремление контролировать печать, очень скоро его внимание было отвлечено куда более насущными вопросами. Гражданская война, голод, нехватка сырья, необходимость с наименьшими потерями выйти из участия в Первой мировой войне – все эти и многие другие проблемы на некоторое время ослабили государственный пресс в области литературы и искусства. И писатели не преминули этим воспользоваться.

Выразительной микромоделью устройства литературной жизни в начале первого периода может послужить деятельность знаменитого Дома искусств (ДИСКа), открывшегося в Петрограде 19 ноября 1919 г. по инициативе М. Горького в реквизированном у П. С. Елисеева особняке (Мойка, д. 59) и закрытого в 1923 г. В этом доме-коммуне проживали и/или сюда приходили многие литераторы как с уже устоявшейся до революции репутацией, так и совсем молодые, как принявшие революцию, так и ее отвергавшие. Объединившись чтобы выжить в голодном и холодном Петрограде, русские писатели самых разных взглядов вели интенсивное творческое существование. В ДИСКе постоянно устраивались лекции и диспуты, здесь собирались участники литературных студий и объединений. В частности, именно в Доме искусств родилось знаменитое содружество молодых писателей «Серапионовы братья» и именно здесь встречались члены поэтического объединения третий «Цех поэтов», а также литературной студии поэтов, переводчиков и прозаиков, которой руководили Н. Гумилев, М. Лозинский, К. Чуковский, Е. Замятин и В. Шкловский. Старшие обучали младших, младшие, в свою очередь, влияли на старших.

«...жизнь научная, литературная, театральная, художественная проступила наружу с небывалой отчетливостью. Большевики уже пытались овладеть ею, но еще не умели этого сделать, и она доживала последние дни свободы в подлинном творческом подъеме. Голод и холод не снижали этого подъема, – может быть, даже его поддерживали.

– ностальгически констатировал многие годы спустя Владислав Ходасевич в очерке «ДИСК» [45, с. 274].

Однако было бы большой ошибкой идеализировать 1920-е гг. в Советском Союзе как период, когда большевики еще совсем «не умели»

«овладеть» литературой. В частности, 6-ым июня 1922 г. было датировано Положение Совета Народных Комиссаров об учреждении Главного Управления по делам литературы и издательства (Главлит) «в целях объединения всех видов цензуры печатных произведений» [18, с. 35]. То есть государство уже тогда стремилось к централизованному контролю над авторами и издателями. Если раньше авторы, потерпев неудачу в одном цензурном ведомстве, могли обратиться в другое, теперь этот путь был закрыт. Один из пунктов постановления гласил: «Заведывающие типографиями и заводоуправлениями под страхом судебной ответственности обязаны неуклонно следить за тем, чтобы печатаемые в их типографиях произведения имели разрешительную визу Главного Управления по делам литературы» [18, с. 35]. А среди причин, позволявших чиновникам Главлита запрещать к изданию то или иное произведение, числилась и такая, которая, как ранее в «Декрете о печати», предоставляла возможность принимать решение по своему усмотрению, произвольно трактуя степень правдивости или лживости сведений, сообщаемых автором: «Главное Управление по делам литературы и издательства и его органы воспрепятствуют изданию и распространению произведений: <...> в) возбуждающих общественное мнение путем сообщения ложных сведений» [18, с. 35].

Среди задач, которые пореволюционная эпоха в первый период поставила перед писателями, одной из главных стала выработка адекватного языка для разговора с новым читателем.

Для тех русских писателей, которые с воодушевлением приняли октябрьский переворот 1917 г. и перемену политического строя в государстве, это означало и принятие весьма заманчивого, но очень ко многому обязывающего профессионального вызова: участвовать в планировании и строительстве новой советской литературы, в формировании и воспитании нового советского человека. «Хочу делать социалистическое искусство», – ретроспективно сформулировал свой ответ на вызов эпохи Владимир Маяковский [24, с. 18].

В конкретном приложении к обстоятельствам места и времени желание «делать социалистическое искусство» неизбежно ставило писателя лицом к лицу с новой целевой аудиторией, с двумя категориями читателей, которые до революции если и попадали, то лишь в область периферийного зрения «большой литературы».

Первую категорию составляли рабочие, крестьяне, солдаты и матросы, а также взрослые члены их семей, собственно, те, чьим бедственным социальным положением большевики и оправдывали октябрьский переворот. В дореволюционную эпоху большие русские

писатели за единственным значимым исключением (поздний Лев Толстой) редко откликались на духовные запросы этой категории читателей.

Квалифицированных и неквалифицированных потребителей книжной продукции обслуживали совершенно разные авторы, и два читательских мира в России сосуществовали каждый практически автономно. Одни зачитывались Пушкиным, Достоевским и Андреем Белым. Другие, как ночлежница Настя из пьесы Горького «На дне», «книжкой “Роковая любовь”» [9, с. 110].

«...С одной стороны – необычайная высота и утонченность культуры, высшее образование, лучшие произведения всемирной литературы, музыки, пения, искусства во всех его проявлениях – это для богатых, сильных, власть имущих; с другой – почти поголовная безграмотность, довольство частушкой, гармоникой, убогой сельской церковной службой да фантастическими рассказами бродячей Руси, странников и странниц, отставных солдат и прочей братии – это для остальной России, России труда, невежества и нищеты».

Так описывал сложившуюся ситуацию С. Гарденин, делегат Первого Всероссийского съезда по внешкольному образованию, состоявшегося 6–19 мая 1919 г. [51, с. 18]. «До октябрьской революции русские писатели и критики были отделены от трудящихся масс китайской стеной», – варьировал эту же мысль сельский учитель и просветитель крестьян коммуны «Майское утро» Адриан Топоров [44, с. 265].

Вдохновителей Октября и строителей новой советской литературы подобное положение вещей, разумеется, не устраивало. Они попытались стремительно ликвидировать социальную и культурную пропасть между двумя мирами бывшей империи, сломать китайскую стену между читателем и писателем. «Мы наш, мы новый мир построим: / Кто был ничем, тот станет всем!». Эти строки из «Интернационала» Эжена Потье в переводе Аркадия Коца [20, с. 3] в молодой Советской России были восприняты, как прямое руководство к действию. В области литературы это означало переключение основного внимания с культурного читателя на некультурного, малограмотного, а иногда и совсем неграмотного, только постигающего азы чтения.

Именно такого читателя имел в виду Михаил Зощенко, когда в 1928 г. констатировал: «Я пишу очень сжато. Фраза у меня короткая. Доступная бедным. Может быть, поэтому у меня много читателей» [16, с. 11]. Здесь обыграны сразу два значения слова «бедным». Первое: материально не обеспеченным, беднякам. Второе: бедным духовно, тем самым «нищим духом», которые должны были «насытиться» при помощи нового писательского слова.

Нужно сказать, что как раз Зощенко более других молодых советских прозаиков преуспел в деле «насыщения» массового читателя начала 1920-х гг. Он, по собственной его формуле, «взял подряд» на короткий газетный фельетон – «вещь в той неуважаемой, мелкой форме, с которой, по крайней мере раньше, связывались самые плохие литературные традиции» [16, с. 11]. Автор «Аристократки» сумел переместить этот «неуважаемый», периферийный (в терминологии Ю. Н. Тынянова) жанр в самый центр современной ему литературы, добившись не только высочайших оценок ценителей-интеллектуалов, но и расположения «бедных», неквалифицированных читателей.

Вторая категория читателей, на которую после октябрьского переворота обратили пристальное внимание писатели, мечтавшие «делать социалистическое искусство», – это дети. Их будущее счастье было объявлено идеологами революции важнейшей целью строящегося государства. «Купим кровью мы счастье детей», – поется в еще одном революционном гимне, в «Красной Марсельезе» Петра Лаврова [20, с. 6]. С точки зрения литературной прагматики обращаться к читателю-ребенку было гораздо разумнее и практичнее, чем ко взрослому адресату. Ведь, начиная разговор со взрослым читателем, нужно было заботиться не только о его «воспитании», но и о его «перевоспитании» [28, с. 95]], о том, чтобы из его памяти стерлось все читанное ранее, все, что вмещало бытовой и языковой опыт старого мира. Для читателя-ребенка удобно было «начинать литературу наново, с чистого листа» [48, с. 405] и совмещать обучение грамоте с воспитанием в духе коммунистической идеологии, а также с попыткой сформировать художественный вкус и чувство слова нового советского человека.

За решение этих задач энергично взялась группа петроградских писателей, объединившаяся вокруг поэта, переводчика и литературного деятеля Самуила Маршака, который в 1922 г. вернулся в северную столицу после многолетнего отсутствия. Маршак обладал не только фантастической энергией и недюжинным поэтическим талантом, но и гениальным даром организатора и отборщика кадров для работы в поле детской литературы. Состав команды Маршака в течение 1920-х–1930-х гг. менялся и обновлялся, а цели, которые эта команда ставила перед собой, варьировались и тоже менялись в зависимости от запросов времени.

Ключевыми фигурами в первом составе команды, кроме самого Маршака, были Борис Житков, Виталий Бианки и М. Ильин (литературный псевдоним родного брата Маршака). Основную ставку маршаковская команда первоначально сделала на новизну – языка и информации, которая вкладывалась в текст. Слова, используемые детскими писателями,

необходимо было очистить от «старых», навязанных прежней культурой смыслов, «предмет (или человека)» – дать «как впервые увиденный», а не названный «с отсылкой ко всем известному» [48, с. 405]. Что же касается информационной стратегии, то Маршак и его тогдашние соратники взяли курс на обеспечение ребенка конкретными и полезными сведениями об окружающем мире, причем за каждым из главных маршаковских авторов был закреплен свой тематический реестр. М. Ильин писал о технике, Бианки – о природе, а Житков и сам Маршак – об окружающем мире в целом.

Чуть позже перечисленных авторов полноправным членом команды Маршака стал Евгений Шварц. В 1925 г. в нее влился приехавший с Донбасса Николай Олейников, а в 1927 г. – уже упоминавшиеся нами Хармс и Введенский. Важно отметить, что детская литература стала для этих двоих авторов (и не только для них), пользуясь метафорой М. О. Чудаковой, если и не «отверстием с выходом на поверхность», то надежной «нишей», предоставлявшей возможность печататься и получать за свои произведения гонорары. Ведь в профиле детской литературы в это время действовали чуть иные законы, чем во взрослой. Конечно, взрослую и детскую литературу советского времени правомерно рассматривать как два сообщающихся сосуда, однако история детской литературы отнюдь не дублирует историю взрослой, а достаточно сложно с ней соотносится. Достаточно будет привести здесь цитату из установочной статьи «Советская поэзия и дети», напечатанной в авторитетном журнале «Детская литература» в 1939 г.: «Михалков, Квитко, Благинина, Барто, Александрова, Хармс, Забила и многие другие поэты создали замечательные произведения для детей, разнообразные по тематике и жанру» [39, с. 9]. Как видим, Даниил Хармс попал в этой статье в список лучших советских детских поэтов. Понятно, что о подобной оценке своих произведений для взрослых он не мог ни в 1920-е, ни в 1930-е гг. даже мечтать.

Почти все участники группы Маршака и в первую очередь он сам, в эпоху деланья «социалистического искусства» для детей, вполне искренно называли себя советскими писателями. Тем не менее, пропагандистские, идеологические задачи долгое время воспринимались поэтами и прозаиками круга Маршака как второстепенные. Точнее говоря, Маршак и его команда видели свою самую важную педагогическую задачу в том, чтобы ребенок-читатель вырос оптимистом, чутко воспринимающим все по-настоящему новое, веселое и помогающее в практической жизни. И это уже само по себе представлялось Маршаку и его соратникам весомым вкладом в дело воспитания будущего гражданина СССР. «Исключительная бодрость его стихов, трудовой пафос, которым они заражены,

материалистический метод изображения мира делают поэзию Маршака особенно ценным орудием воспитания советского ребенка». Таким выводом завершил апологетическую статью об авторе «Мистера Твистера» Б. Я. Бухштаб [5, с. 20], и в этом перечне не случайно зияет отсутствием «актуальная тематика». «Маршак сознательно противопоставлял свою группу детских писателей тем литературным профессионалам, чьи стихи слишком пахнут злободневностью», – прямо указывает М. Л. Гаспаров [8, с. 942].

Однако к началу 1930-х гг. Маршак, которого в 1928 гг. И. С. Гефт во внутренней характеристике ответственных сотрудников ленинградского отделения Госиздата прозорливо назвал «политически – чутким» [46], радикально пересмотрел свои взгляды на детскую литературу, и его стихи остро запахли злободневностью. Связано это было, прежде всего, с ужесточившимся контролем государства над писателями и писательскими организациями.

26 августа 1929 г. «Литературная газета» напечатала большую статью известного партийного деятеля Б. Волина (Бориса Михайловича Фрадкина) «Недопустимые явления». В этой статье руководителям Московского и Ленинградского отделений Всероссийского Союза писателей – Борису Пильняку и Евгению Замятину инкриминировалось сотрудничество с заграничными «белоэмигрантскими» изданиями – речь шла о публикации повести «Красное дерево» и романа «Мы» в Берлине и Праге. Затем к шельмованию Пильняка, Замятина и других писателей быстро и слаженно присоединились «Правда» и «Известия». Мишенью в этой, развернутой под патронажем государства, кампании, послужили не только конкретные писатели – Пильняк, Замятин и некоторые другие «сомнительные» авторы (в статье Волина упоминались также Зощенко, Булгаков и Эренбург) – но и отделения писательского Союза, который возглавлялся Пильняком и Замятиным.

Как известно, на 1929–1930 гг. пришелся основной этап коллективизации страны. Сталин сделал отчетливую ставку на объединение всех советских граждан в большие организованные и подотчетные государству группы, которые было легче контролировать, и которыми было легче управлять, причем затронуло это самые разные сферы человеческой деятельности. Вот и в сфере литературы пришла пора сначала ликвидировать независимый писательский союз, чтобы потом начать формирование такого типа писательской организации, которая объединила бы всех лояльных власти писателей, а нелояльным бы перекрыла возможность печататься в СССР.

Важно, вслед за А. Ю. Галушкиным, обозначить еще две особенности кампании 1929 г. Во-первых, писатели лишились возможности печатать

произведения в русских зарубежных журналах и издательствах, и их денежные доходы стали целиком зависеть от публикаций в Советском Союзе. Во-вторых, литераторов-«отщепенцев» в печати осуждали, главным образом, не государственные чиновники, а свои же братья-писатели, и этот ход государства, впервые масштабно опробованный в ходе кампании 1929 г., делался потом множество раз (достаточно будет вспомнить шельмование Пастернака и процесс Синявского-Даниэля).

Часть оппозиционно настроенных поэтов и прозаиков (Пастернак, Ахматова, Булгаков) пыталась протестовать, однако большинство поддержало кампанию или пассивно промолчало, что в итоге тоже было воспринято как форма поддержки. К началу 1930 г. советские писатели были деморализованы настолько, что Сталин и его соратники и ставленники, не опасаясь общественного мнения, могли приступить к формовке новой писательской организации как огромной и тщательно отлаженной пропагандистской машины с единым руководящим центром. Патентами на эту машину предстояло стать резолюциям Первого съезда советских писателей.

2. 23 апреля 1932 г. специальным постановлением ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» было расформировано Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП), лидирующее положение в рамках которой занимала Рабочая ассоциация пролетарских писателей (РАПП).

РАПП была организована еще в 1925 г. на первой Всесоюзной конференции пролетарских писателей. В состав этого объединения вошло более четырех тысяч литераторов. Генеральным секретарем РАППа стал Леопольд Авербах, лидирующие позиции в ассоциации занимали Александр Фадеев, Владимир Ставский, Владимир Киршон, Александр Афиногенов и некоторые другие писатели и критики. Печатным органом РАППа был журнал с выразительным названием «На посту», который с апреля 1926 г. стал называться «На литературном посту».

Главная стратегическая и тактическая цель РАППа заключалась в том, чтобы стать единственным среди литературных организаций рупором и толмачом указаний и постановлений советского государства. За это право рапповцы во второй половине 1920-х гг. боролись с другими ультрасоветскими литературными группировками, в первую очередь, с объединением ЛЕФ (Левый фронт искусства), во главе которого стояли Осип Брик и Владимир Маяковский. В итоге этой борьбы ЛЕФ (точнее говоря, его наследник РЕФ – Революционный фронт искусства) потерпел поражение. 3 января 1930 г., за три с половиной месяца до самоубийства, Маяковский написал заявление, в котором просил принять его в РАПП в целях

осуществления «лозунга консолидации всех сил пролетарской литературы» [27, с. 134].

Однако основной целью нападок рапповцев были отнюдь не лефовцы, а так называемые попутчики, то есть писатели, в целом лояльные по отношению к советской власти, но отстаивавшие право литератора на творческую самостоятельность (вспомним формулу Сергея Есенина из его стихотворения «Русь советская» (1924): «Отдам всю душу октябрю и маю, / Но только лиры милой не отдам» [13, с. 97]). Авторство термина «попутчик» обычно приписывают наркому просвещения А. В. Луначарскому, однако в сознании писателей этот термин был связан, прежде всего, с Л. Д. Троцким. Один из литературных критиков того времени даже определил дефиницию «попутчики», как «крылатое “mot”, пущенное тов. Троцким в те времена, когда советская литература едва только зарождалась» [29, с. 5]. Поддерживали попутчиков влиятельные до поры до времени редакторы журналов «Красная новь» и «Новый мир» А. К. Воронский и В. П. Полонский, а рапповцы жестко критиковали попутчиков и их произведения, причем попутчиками в их статьях и книгах были объявлены едва ли не все самые сильные и не уехавшие при этом из СССР русские поэты, прозаики и критики.

Поэтому не стоит удивляться тому, что большинство живших в СССР литераторов приняло весть о расформировании ВОАППа с ликованием. «Наконец-то сломалась эта чека мысли и любви, всепроклятая организация мелкоты, пыли человеческой: какой ужас, – организованная пыль!» – 24 апреля 1932 г. записал в дневнике Михаил Пришвин [36, с. 114]. Однако на самом деле никакая чека (то есть – предохранитель), удерживающая «мысль и любовь», не сломалась. Расформирование ВОАППа было предпринято государством с той же целью, с какой в 1929 г. был обезглавлен Всероссийский Союз писателей. Ближайшая задача государства была предельно четко сформулирована в одном из финальных пунктов постановления: «объединить всех писателей, поддерживающих платформу Советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем» [6, с. 173]. Критик Корнелий Зелинский в воспоминаниях воспроизводит весьма откровенную реплику Сталина, которая была обращена к одному из руководителей РАППа и самому, пожалуй, одаренному участнику этой группировки, Александру Фадееву: «Вы просто еще маленькие люди, совсем небольшие люди, куда вам браться за руководство целой литературой» [14, с. 72].

В октябре 1932 г. в московском особняке Рябушинского, подаренном правительством Максиму Горькому, состоялись четыре встречи руководителей государства с советскими писателями. Пользовавшийся огромным мировым авторитетом Горький стал тем не «маленьким», а «большим» человеком, вокруг которого, по замыслу Сталина, должна была выстроиться советская литературная машина. 22 марта 1932 г. сразу две главные советские газеты, «Правда» и «Известия», напечатали программную горьковскую статью «С кем вы, мастера культуры? Ответ американским корреспондентам». В сентябре этого же года в Советском Союзе пышно отмечалось сорокалетие литературной деятельности «великого пролетарского писателя». А в октябре состоялся окончательный переезд Горького из Италии в СССР, который был обставлен не как возвращение блудного сына, а как возвращение «отца» всех советских писателей, призванного объединить их в служащую партии и государству организацию.

Из всех встреч партийных советских заправил с писателями у Горького наиболее значительная состоялась 26 октября 1932 г. На ней присутствовали Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Постышев, а также около пятидесяти видных советских писателей, как бывших рапповцев, так и попутчиков. В своей развернутой реплике на этой встрече Сталин употребил быстро ставшую ходовой формулу «инженеры человеческих душ». Корнелий Зелинский по свежим следам записал сталинские слова: Я хотел сказать еще о том, что производите вы... Есть разное производство: артиллерии, автомобилей, машин. Вы тоже производите товар. Очень нужный нам товар. Интересный товар. Души людей. Также важное производство – души людей. <...> Вы – инженеры человеческих душ [15, с. 166].

Формула «инженеры человеческих душ», как показал Омри Ронен, восходит к строке Маяковского «душ человеческих искусный слесарь» из его «Мистерии-буфф» [37, с. 396]. Не менее важным и, безусловно, куда более авторитетным для Сталина текстом, задавшим логику, в рамках которой родилась сталинская метафора, была уже упоминавшаяся нами статья Ленина «Партийная организация и партийная литература». В этой статье использовалась весьма органичная для партии, выступающей от лица пролетариата, метафора литературы, как бесперебойного механического производства: «Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса» [21, с. 100 – 101].

По-видимому, как раз уподобление творческих процессов механическим, а людей – «колесикам и винтикам», резко усилившееся в конце первого и в начале второго периодов развития литературы советского времени, было диагностировано Андреем Платоновым в знаменитом первом абзаце его повести «Котлован» (1929): «В день тридцатилетия личной жизни Вощеву дали расчет с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования. В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда» [34, с. 413].

Личному и человеческому («задумчивость») отчетливо противопоставляется здесь безличное («дали» и «написали») и механическое («механического завода», «общего темпа труда»).

В результате встреч Сталина с советскими прозаиками, поэтами, драматургами и литературными критиками был сформирован Оргкомитет Союза советских писателей, который приступил к подготовке Первого съезда советских писателей. Съезд прошел с 17 августа по 1 сентября 1934 г. Установочную речь произнес Горький, продолжавший пользоваться очень большим влиянием не только в литературной, но и в номенклатурной советской среде. В частности, не кто иной, как он настоял, чтобы основные доклады на съезде от партийной верхушки сделали уже находившиеся в это время в опале Николай Бухарин и Карл Радек. Литератор и партийный функционер Иван Гронский в воспоминаниях приводит свой диалог со Сталиным по этому поводу: «Я говорю: как же ЦК мог их утвердить? Сталин раздраженно сказал: “Горький изнасиловал, настаивал на этом”» [35, с. 158].

Когда Сталин временно уступал Горькому в тактической борьбе, то прекрасно понимал, что делает. Игра стоила свеч – в программном докладе на Первом съезде советских писателей Горький произнес именно те слова, которых от него ждал вождь:

Советская литература, при всем разнообразии ее талантов и непрерывно растущем количестве новых даровитых писателей, должна быть организована как единое коллективное целое, как мощное орудие социалистической культуры [30, с. 4].

Метафора «мощное орудие» была из того же производственного ряда, что и «колесики и винтики», а также «инженеры человеческих душ».

В своем докладе Горький предпринял и увенчавшиеся успехом усилия для канонизации термина «социалистический реализм». Введенный в широкий оборот в 1932 г. как раз Гронским в речи на собрании литкружков Москвы [23, с. 1], термин был подхвачен Горьким, напечатавшим в первом номере журнала «Литературная учеба» за 1933 г. статью «О социалистическом реализме», а затем вновь опробован им на съезде:

«Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью» [30, с. 4].

Как и в случае с пунктами декретов и постановлений, руководствуясь которыми можно было запрещать неугодные издания, на руку власти была та размытость канонизированного Горьким термина, о которой позднее писал А. Д. Синявский: «в самом названии “социалистический реализм” содержится непреодолимое противоречие» [42, с. 61]. Всем было ясно, что речь идет о правдивом, неприукрашенном изображении окружающей действительности в произведениях (реализм), но при этом только еще строившийся в стране социализм должен был не дискредитироваться, а, наоборот, прославляться. Никто не знал и не понимал, какое соотношение между суровой критикой окружающей советской действительности и сервильными хвалами наступающему царству социализма может быть допущено в произведении, чтобы его автор имел право называться представителем социалистического реализма.

Важно отметить, что, провозглашая, устами Горького, этот метод, государство впервые всерьез заявило о своих претензиях взять под контроль не только то, о чем рассказывает писатель, но и то, как он об этом рассказывает. В дальнейшей практике давления государства на литературу и, шире, на искусство, придирки не столько к содержанию, сколько к стилю того или иного произведения, сделались весьма существенным пунктом. Достаточно было сказать сверху: «Это не социалистический реализм, а...» (далее подставлялось удобное слово, например, «формализм» или «оригинальничанье»), и автор и/или его произведение тут же выпадал из канона советской культуры, как это случилось, например, с Леонидом Добычиным.

Чтобы смягчить общее впечатление от жестких правил, согласно которым теперь предстояло жить всем советским писателям и сделать вступление в Союз не только престижным, но и материально выгодным, накануне и сразу после съезда государство сделало сразу несколько шагов, которые превращали писателей, согласившихся жить по предложенным правилам в привилегированную касту. Перечислим некоторые из этих шагов.

В мае 1934 г. по инициативе Горького в Москве был основан Дом советского писателя как культурно-просветительское учреждение при Союзе советских писателей. С 1938 года он стал называться Клубом

писателей, а с 1948-го – Центральным домом литераторов. Это заведение прославилось, в частности, ресторанами, попасть в который можно было только предъявив удостоверение члена Союза. 28 июля 1934 г. датировано постановление Совета Народных Комиссаров о создании Литературного фонда СССР. Основной задачей этой организации провозглашалось «содействие членам Союза советских писателей СССР путем улучшения их культурно-бытового обслуживания и материального положения, а также оказание помощи растущим писательским кадрам путем создания для них необходимых материально-бытовых условий» [6, с. 219]. И, наконец, 15 сентября 1934 г. свет увидело постановление Совета Народных Комиссаров за подписью В. Куйбышева, разрешающее писательской организации строительство на участке Переделкино тридцати дач для крупнейших советских писателей. 5 июля 1935 г. двадцать восемь дач, являвшихся собственностью Союза писателей, были переданы в бессрочное пользование литераторам и их семьям.

Понятно, что все это не только стимулировало литераторов вступать в Союз советских писателей, но и способствовало формированию гласной и негласной иерархии внутри Союза. Ведь его начальство должно было, например, решать, кто из членов Союза – «крупнейший» и, соответственно, достоин права приобрести дачный участок в Переделкино, а кто нет.

Напомним здесь выразительную сцену из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», в которой сатирически изображается грызня друг с другом советских писателей, а Переделкино выведено под прозрачным псевдонимом Перелыгино. Отметим, что в своем закатном романе Булгаков, разумеется, не приглашенный участвовать в Первом съезде советских писателей, с полной отчетливостью ответил на актуальный для 1930-х гг. вопрос: «Кто настоящий писатель, а кто нет?»

«– А сейчас хорошо на Клязьме, – подзудила присутствующих Штурман Жорж, зная, что дачный литераторский поселок Перелыгино на Клязьме – общее больное место. – Теперь уж соловьи, наверно, поют. Мне всегда как-то лучше работается за городом, в особенности весной.

– Третий год вношу денежки, чтобы больную базедовой болезнью жену отправить в этот рай, да что-то ничего в волнах не видно, – ядовито и горько сказал новеллист Иероним Поприхин.

– Это уж как кому повезет, – прогудел с подоконника критик Абабков.

Радость загорелась в маленьких глазках Штурман Жоржа, и она сказала, смягчая свое контральто:

– Не надо, товарищи, завидовать. Дач всего двадцать две, и строится еще только семь, а нас в Массолите три тысячи.

– Три тысячи сто одиннадцать человек, – вставил кто-то из угла.

– Ну вот видите, – продолжала Штурман, – что ж делать? Естественно, что дачи получили наиболее талантливые из нас...

– Генералы! – напрямик врезался в склоку Глухарев сценарист.

Бескудников, искусственно зевнув, вышел из комнаты.

– Один в пяти комнатах в Перелыгине, – вслед ему сказал Глухарев.

– Лаврович один в шести, — вскричал Денискин, – и столовая дубом обшита!» [4, с. 59]

Возвращаясь к разговору о Первом съезде советских писателей, отметим, что такие, как писательница Штурман Жорж были здесь наперечет: среди 376 делегатов с правом решающего голоса женщин насчитывается только 13, то есть – 3,45% от общего числа участников. Были среди них вполне случайные авторы/ки – начинающая очеркистка Ольга Кретьова из Воронежа и пожилая крестьянская писательница Агриппина Кореванова из Свердловской области. Были и те, кто попал на съезд исключительно по негласной квоте от советских республик – Забел Есаян от Армянской ССР, Наталья Забила от Украинской ССР, Мария Мариджан (Алексидзе) от Грузинской ССР, Елена Романовская от Белорусской ССР, Марфа Трубина от Чувашской АССР и Сабира Халдарова от Узбекской ССР. И лишь пять писательниц из тринадцати, обладавших правом голоса, действительно весьма активно участвовали в литературном процессе в СССР и находились в самом центре «литературного сегодня». Это были Вера Инбер, Анна Караваева, Лидия Сейфуллина, Ольга Форш и Мариэтта Шагинян.

Нужно, конечно, отметить, что далеко не все значительные писательницы этого времени, жившие в Советском Союзе, принимали участие в работе съезда. Кроме Анны Ахматовой, можно вспомнить об Аделине Адалис, Анне Барковой, Ольге Берггольц, Елене Благиной, Марии Петровых, Софье Федорченко и многих других. А, например, Агнии Барто и Марии Шкапской было делегировано лишь право совещательного голоса. Тем не менее, соотношение мужчин и женщин – советских писателей, обладавших правом решающего или совещательного голоса на съезде, как представляется, довольно точно отражало общую гендерную пропорцию между литераторами в тогдашнем СССР. Несмотря на то, что *de jure* в Советском Союзе прокламировалось абсолютное равенство полов, *de facto* общество по-прежнему навязывало женщине, в первую очередь, роль матери, жены или работницы совершенно определенной сферы (ткачиха, повариха, няня и т. п.). Следовательно, проявить себя в таком традиционно «мужском» для России виде деятельности, как писательство, женщине все еще было очень трудно.

Отчасти сходная пропорция между *de jure* и *de facto* наблюдалась в 1930-е гг. в той области, которую тогда называли многонациональной советской литературой.

С одной стороны, марксистская формула «пролетарский интернационализм» и стремление объединить советских людей в единое, удобно управляемое сверху общество, диктовали необходимость внимательного отношения ко всем советским республикам и национальным образованиям, а, значит, и к национальным культурам. Не только на Съезде писателей, но и ранее, как минимум, с самого начала 1930-х гг., советских поэтов, прозаиков и литературных критиков постоянно призывали переводить с языков народов Советского Союза и изучать самобытную культуру каждой республики, каждого, живущего в Стране Советов народа.

С другой стороны, национальные литературы в Советском Союзе в эту эпоху не столько изучались и поощрялись, сколько искусственно конструировались в соответствии с теми требованиями, которые предъявлялись к этим литературам государством. Известен, например, феномен всесоюзно прославлявшегося казахского поэта-акына Джамбула Джабаева, чьи сервильные стихотворные восхваления советской власти (в частности, знаменитая «Песня о батыре Ежове», 1937 г.) создавались усилиями поэтов-переводчиков К. Алтайского и М. Тарловского и перекладывались на русский язык с фиктивных оригиналов.

Также нужно отметить, что громогласно объявленное равенство всех национальных литератур СССР на деле не соблюдалось. Русская культура и русский язык *de facto* все равно оставались в привилегированном положении, что официально было подтверждено и закреплено в серии передовиц, опубликованных во второй половине 1930-х гг. в «Правде». Протицируем здесь одну из таких статей:

«Все народы – участники великой социалистической стройки – могут гордиться результатами своего труда; все они – от самых маленьких до самых больших – полноправные советские патриоты. И первым среди равных является русский народ. <...> Именно русская культура, освобожденная от дворянско-капиталистических пут, расцветшая в эпоху социализма, сыграла огромную роль в развитии многочисленных народов, освобожденных Октябрьской социалистической революцией» [38, с. 1].

Подобные декларации, по существу, сводили на нет заверения о равенстве всех национальных литератур Советского Союза между собой. Перефразируя известный афоризм Джорджа Оруэлла, можно сказать, что все национальные литературы с СССР были равны, но одна все-таки – равнее.

Сразу после окончания съезда Горький отправил гневное послание в ЦК ВКП (б), в котором отказывался от руководства Союзом советских писателей. Причину он объяснял так: «Писатели, которые не умеют или не желают учиться, но привыкли играть роли администраторов и стремятся укрепить за собою командующие посты – остались в незначительном меньшинстве. Они – партийцы, но их выступления на съезде были идеологически тусклы и обнаружили их профессиональную малограмотность. Эта малограмотность позволяет им не только не понимать необходимость повышения их продукции, но настраивает их против признания этой необходимости, – как это видно из речей Панферова, Ермилова, Фадеева, Ставского и двух, трех других. Однако т. Жданов сообщил мне, что эти люди будут введены в состав Правления Союза как его члены. Таким образом, люди малограмотные будут руководить людьми значительно более грамотными, чем они» [17, с. 217].

Это письмо не имело радикальных последствий, на какое-то время Горького уговорили не бросать Союз и остаться во главе его Правления. Однако в итоге «люди малограмотные» победили. В 1936 году Горький умер, и в этом же году один из перечисленных им писателей-партийцев, Владимир Ставский, занял должность Генерального секретаря Союза. Крепки во второй половине 1930-х гг. были и позиции Федора Панферова, Владимира Ермилова, Александра Фадеева – писателей и функционеров, убежденных, что задача советской литературы заключается, в первую очередь, в обслуживании государства.

Тем не менее, было бы неправильно считать, что даже и в эти годы все писатели, жившие в СССР, оказались причесаны под одну гребенку. Ведь именно во второй половине 1930-х гг. создавались «Реквием» Анны Ахматовой, воронежские стихотворения Осипа Мандельштама, «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, последние книги «Тихого Дона» Михаила Шолохова, «Река Потудань» Андрея Платонова, «Старуха» Даниила Хармса, «Судьба барабанщика» Аркадия Гайдара...

3. Начало Великой отечественной войны опрокинуло «все ожидания и официозные стандарты», обозначив «угрозу самому существованию советского строя» [47, с. 238–239]. Государство ощутило растерялось и впервые за многие годы взглянуло на граждан своей страны не как на «колесики и винтики» огромной машины, а как на живых людей, от которых зависит исход страшной войны. Отсюда – неожиданные и теплые слова, разительно контрастирующие с предшествующими им привычными омертвевшими формулами, прозвучавшие в зачине радиообращения Сталина к советскому народу 3 июля 1941 г.: «Товарищи! Граждане! Братья

и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» [40, с. 56]. Впервые за более чем двадцать лет почти все советские люди и эмигранты из России оказались объединены ощущением надвинувшейся на

Россию и весь мир катастрофы, от которой человечество нужно было во что бы то ни стало спасти. Приведем здесь выразительный фрагмент из воспоминаний Александра Бахраха о военном времени и ненавистнике советской власти, эмигранте Иване Бунине:

«В своей комнате он развесил огромные карты Советского Союза и внимательно следил за штабными сводками, негодуя, когда какую-нибудь местность, упомянутую в этих сводках, он не находил на своих картах. Только когда нацистские армии проникли слишком далеко в глубь советской территории, перестал он делать отметки на картах, «чтобы не огорчаться». Помню, как в дни тегеранского совещания он говорил: «Нет, вы подумайте до чего дошло – Сталин летит в Персию, а я дрожу, чтобы с ним, не дай Бог, чего в дороге не случилось!» [3, с. 283]

А о гражданах СССР, внезапно освобожденных войной от мучительных раздумий о правильности выбранного страной в 1917 г. курса, устами одного из персонажей ретроспективно рассказал в эпилоге к роману «Доктор Живаго» Борис Пастернак: «Люди <...> в тылу и на фронте, вздохнули свободнее, всею грудью, и упоенно, с чувством истинного счастья бросились в горнило грозной борьбы, смертельной и спасительной» [31, с. 599].

Вот эти два фактора – ослабление государственного давления на граждан страны, признание их «братьями и сестрами», а также общее для советских и российских людей ощущение войны с нацистами, как битвы со злом «за правое дело» (так в 1952 г. назовет свой роман о войне Василий Гроссман) и поспособствовали формированию уникального феномена военной поэзии и прозы.

Обретенная дорогой ценой человечность позволила достичь небывалых высот авторам, до этого звезд с неба не хватавшим. Речь идет не только о «гениальном» (Т. Кибиров) [19] и написанном сразу после войны стихотворении одаренного Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату...» (1945), но и о двух стихотворениях вполне заурядных советских поэтов, созданных во время войны – «В землянке» (1942) Алексея Суркова и «Темной ночи» (1943) Владимира Агатова. Все три стихотворения были положены на музыку («Темная ночь» писалась на уже готовый мотив), и всенародная любовь, которую они заслужили, это, безусловно, заслуга не только поэтов, но и композиторов (Матвея Блантера, Константина Листова и Никиты Богословского). Тем не менее, на слушателей, особенно в случае Исаковского, воздействовали не только мелодия и манера исполнения, но и

сам поэтический текст. Песни «В землянке», «Темная ночь» и «Враги сожгли родную хату» не просто отличались от довоенных советских шлягеров авторства поэта Василия Лебедева-Кумача и композитора Исаака Дунаевского, но были противопоставлены этим шлягерам. Те писались для коллективного, массового исполнения, эти рассказывали о переживаниях конкретного, частного человека и, соответственно, предназначались для пения одним человеком; те были преисполнены оптимизма, в этих говорилось о близости смерти и тоске от разлуки с любимой женщиной и/или семьей; те были рассчитаны на «товарищей» и «граждан», эти на «братьев» и «сестер».

Но и в период Великой отечественной войны свобода самовыражения писателей-фронтовиков оставалась небезграничной. В поэзии граница дозволенного может быть отмечена, в частности, горьким стихотворением Иона Дегена 1944 г., которое было напечатано в Советском Союзе лишь в 1988 г. (Евгением Евтушенко, без указания имени неизвестного тогда почти никому автора стихотворения):

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.

[41, с. 701]

В прозе границу дозволенного обозначила, в частности, повесть Всеволода Петрова «Турдейская Манон Леско», которая была написана в первый послевоенный год на основе военного дневника Петрова, а опубликована только в 2006 г. Сюжет повести не поражает оригинальностью и вполне мог быть использован одним из авторов советской военной прозы с ее вниманием к частной жизни человека на фронте и в тылу: офицер, прикомандированный к госпиталю, влюбляется в одну из его работниц Веру, которая в финале произведения погибает. Неслучайными, возможно, были и фабульные переклички со знаменитым романом Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!». Однако на последних страницах повести Петрова многократно описанное авторами военной прозы прифронтовое пространство неожиданно совмещается с расплывчатой вечностью, а «хемингуэевская» история любви офицера и медсестры превращается лишь в пролог к ключевым для повести размышлениям о возможности воскрешения умершего человека и обретении бессмертия:

Все стало совсем по-иному: кончилась память, ничего не осталось от связей с людьми и вещами, со всей жизнью, устроенной и протекающей в форме; время не шло. Вокруг была жизнь – особенная, ставшая в стороне от всяких определений. Мы с Верой входили в нее без имени. Так я снова мог чувствовать Веру живой. Ночь была не темная и не светлая – скорее всего, какие-то довременные сумерки, в которых, пожалуй, было и видно, только все расплывалось; предметы становились бесформенными напоминаниями. Я шел вперед, не чувствуя движения: та же степь оставалась под ногами, тот же дождь и облака вокруг. Так, может быть, идет душа после смерти. Вера была со мной. Я знал, что иду по границе жизни и смерти и что эта граница – бессмертие [33, с. 40].

Существование текстов, подобных повести Петрова, ставит перед исследователем важный вопрос о «второй» или «катакомбной» литературе, которая незаметно для большинства читателей развивалась в Советском Союзе параллельно с «первой». Среди представителей этой катакомбной литературы выделялись Даниил Хармс (Петров-прозаик считал себя его учеником), Андрей Николев (Егунов), Борис Житков (как автор взрослого романа «Виктор Вавич») и некоторые другие авторы.

После окончания Великой отечественной войны почти всем советским людям в течение некоторого времени казалось, что атмосфера в стране необратимо потеплела. «Братья» и «сестры» приняли решающее участие в разгроме нацизма, сохранили государство под названием Советский Союз и теперь вправе были ожидать от этого государства благодарности.

Однако смягчение внутренней политики совершенно не входило в намерения Сталина, опасавшегося фронтовиков, с их «привычками, приобретенными во время войны, – со смелостью, умением рисковать, веривших только в оружие» (В. Шаламов) [50, с. 362] и повидавших Западную Европу своими глазами, а не узнавших о ней из пропагандистских советских статей о «загнивании капитализма». Выждав короткое время, государство дало совершенно недвусмысленный ответ тем гражданам, которые ожидали радикальной либерализации курса страны. Этим ответом стало напечатанное 14 августа 1946 г. «Постановление оргбюро ЦК ВКП (б) о журналах “Звезда” и “Ленинград”», в котором площадными словами были выдвинуты тяжелые политические обвинения против многих, живших в СССР писателей, в первую очередь, против Анны Ахматовой и Михаила Зощенко. Публикация именно этого постановления ознаменовала собой начало самых мрачных шести лет шести месяцев и двадцати одного дня в истории Советского Союза.

«...просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой», – констатировал Пастернак в эпилоге к

«Доктору Живаго» [31, с. 599]. Но как раз Пастернак в эти страшные шесть с половиной лет, вопреки всем внешним обстоятельствам, обрел абсолютную внутреннюю свободу, и поэтому его роман был написан без оглядки как на советскую цензуру, так и на мнение коллег по писательскому цеху, даже самых близких по духу и изощренных в мастерстве. Окончательное разочарование после войны в иллюзиях относительно общего дела, которым якобы заняты все советские писатели, послужило для автора «Доктора Живаго» плодотворным стимулом, чтобы полностью отрешиться от бытовых писательских дел и решительно отринуть все правила, обязательные для советских писателей. Чрезвычайно характерно то негодование, которое в письме к Ариадне Эфрон от 19 октября 1952 г. Пастернак излил на очень смелый для своего времени, но все же создававшийся с оглядкой на правила роман Василия Гроссмана «За правое дело»: Когда в начале он несколькими страницами захватил меня, я был готов склониться перед ним и отдать ему все, он должен был попрасть меня и уничтожить. Но этого не случилось. <...> И я рад, что стою в стороне как неприменимый ни к чему курьез с «детской» может быть, любительской, дилетантской никчемностью своего дела перед заколдованным кругом этого так по-странному вдохновенного профессионализма, оригинального во стольких частностях и бесцветного в целом даже тут, в этом примере, как у всех [32].

Начатый в декабре 1945 г. и окончательно заверченный в декабре 1955-го – январе 1956 гг. роман Пастернака «Доктор Живаго» «попрал» и «уничтожил» очень многие представления о «вдохновенном профессионализме» и «хорошем» вкусе.

Литература

1. Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6-ти тт. Т. 1. М.: Эллис Лак, 1989. – 968 с.
2. Ахматова А. А. Requiem. М.: МПИ, 1989. – 322 с.
3. Бахрах А. В. По памяти, по записям (II)... И. А. Бунин // Мосты. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. – Мюнхен. – Вып. 12. – 1966. – С. 272–297.
4. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5-ти тт. Т. 5. М.: Художественная литература, 1990. – 747 с.
5. Бухштаб Б. Я. О Маршаке // Книга детям. – 1930. – № 1. С. 16–20.
6. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. – 869 с.
7. Галушкин А. Ю. Дискуссия о Б. А. Пильняке и Е. И. Замятине в контексте литературной политики конца 1920-х – начала 1930-х гг. Автореферат... кандидата филологических наук. М., 1997.

8. Гаспаров М. Л. Маршак и время // Гаспаров М. Л. Собрание сочинений: в 6-ти тт. Т. 3. М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 990 с.
9. Горький М. Полное собрание художественных произведений: в 25-ти тт. Т. 7. М.: Наука, 1970. – 693 с.
10. Декреты советской власти. Т. 1. М.: Политиздат, 1957. – 640 с.
11. Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына в Советской стране: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 308 с.
12. Добренко Е. А. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб.: Академический проект, 1997. – 321 с.
13. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7-ми тт. Т. 2. М.: Наука – Голос, 1997. – 464 с.
14. Зелинский К. Л. В июне 1954 года // Минувшее. Исторический альманах. – Вып. 5. – Paris: Aheneum – Феникс, 1988. – С. 54–103.
15. Зелинский К. Одна встреча у Горького (Запись из дневника) // Вопросы литературы. – 1991. – Вып. 5. С. 144–170.
16. Зощенко М. М. Статьи и материалы. Серия «Мастера современной литературы». Л.: Academia, 1928. – 94 с.
17. Из переписки А. М. Горького // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 5. – С. 215–218.
18. История советской политической цензуры: документы и комментарии. М.: Росспэн, 1997. – 672 с.
19. Кибилов Тимур. Интервью с Виктором Шендеровичем 19 февраля 2007 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.svoboda.org/a/379466.html> (дата обращения: 14.05.2025).
20. Красный песенник. Сборник новых и старых революционных песен и стихов: рабочих, крестьянских, красноармейских, комсомольских, женских, песен старых революционеров и других. – М.: Государственное издательство, <1925>. – 64 с.
21. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 тт. Т. 12. М.: Издательство политической литературы, 1968. – 575 с.
22. Липавский Л. С. Исследование ужаса. М.: Ad Marginem, 2005. – 445 с.
23. Литературная газета. – 1932. – № 23 (23 мая).
24. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. – Т. 1. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – 464 с.
25. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 6. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 544 с.
26. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. – Т. 10. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 384 с.
27. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13-ти тт. – Т. 13. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – 628 с.
28. Нарбут В. И. Читатель хочет романтизма // Нарбут В. И., Зенкевич М. А. Статьи. Рецензии. Письма. М.: Институт мировой литературы, 2008. – 330 с.
29. Оксенов И. А. Что такое «попутчик»? // Жизнь искусства. – 1926. – 20 июля.
30. О советской литературе. Доклад А. М. Горького на Первом всесоюзном съезде советских писателей // Литературная газета. – № 106 (20 августа). 1934.
31. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. Милан: Фельтринелли, 1958. – 640 с.
32. Пастернак Б. Л. Новооткрытые письма к Ариадне Эфрон // Знамя. – 2003. – № 11. [Электронный ресурс]. – URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=2179> (дата обращения: 14.05.2025).
33. Петров В. Н. Турдейская Манон Леско // Новый мир. – 2006. – № 11. – С. 6–43.
34. Платонов А. П. Собрание сочинений: в 8 тт. – Т. 3. – М.: Время, 2011. – 610 с.

35. Примочкина Н. Н. «Пишу Вам, потому что очень Вас люблю и ценю...» (Письма Н. И. Бухарина Горькому) // *Время Горького и пробелы истории. Материалы и исследования.* Вып. 14. М.: Институт мировой литературы, 2018. – 432 с.
36. Пришвин М. М. *Дневники. 1932–1935.* СПб.: Росток, 2009. – 1008 с.
37. Ронен О. «Инженеры человеческих душ»: к истории изречения // *Лотмановский сборник.* Вып. 2. М.: ОГИ, 1997. – 860 с.
38. РСФСР // *Правда.* – 1936. – № 31 (1 февраля).
39. Семенов С. Советская поэзия и дети // *Детская литература.* – 1939. – № 4. – С. 9–10.
40. Сталин И. В. *Сочинения: в 18-ти тт.* Т. 15. М.: Писатель, 1997. – 248 с.
41. *Строфы века: Антология русской поэзии.* Минск: Полифакт, 1999. – 1056 с.
42. Терц Абрам [Синявский А. Д.] *Что такое социалистический реализм.* Париж: Syntaxis, 1988. – 65 с.
43. Тименчик Р. Д. *Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы.* Т. 1. М.–Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 2014. – 592 с.
44. Топоров А. М. *Крестьяне о писателях.* М.: Белгород, 2015. – 300 с.
45. Ходасевич В. Ф. *Собрание сочинений: в 4-х тт.* – Т. 4. – М.: Согласие, 1996. – 746 с.
46. ЦГАЛИ СПб. Ф. 35. Оп. 3. Д. 97. Л. 52.
47. Чудакова М. О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // *Новое литературное обозрение.* – 2002. – № 58. – С. 223–259.
48. Чудакова М. О. Москва — Петербург/Ленинград и русская беллетристика советского времени. Соображения к теме // *The real life of Pierre Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin.* – Part. 2. – Stanford: Stanford University, 2007. P. 402–430.
49. Чудакова М. О. Русская литература XX века: проблема границ предмета изучения // *Toronto Slavic Quarterly.* – № 18. – 2006. [Электронный ресурс]. – URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/chudakova18.shtml> (дата обращения: 14. 05. 2025).
50. Шаламов В. Т. *Собрание сочинений: в 6-ти тт.* – Т. 1. – М.: Терра – Книгобек, 2013. – 673 с.
51. Эрдэ Д. И. *Неграмотность и борьба с ней.* – Харьков: Пролетарий, 1926. – 275 с.

References

1. Akhmatova, A. A. (1989). *Sobranie sochineniy: v 6-ti tt.* T. 1 [Collected works: In 6 vols. Vol. 1]. Ellis Lak.
2. Akhmatova, A. A. (1989). *Requiem.* MPI.
3. Bakhrakh, A. V. (1966). *Po pamyati, po zapisyam (II)... I. A. Bunin* [From memory, from notes (II)... I. A. Bunin]. *Mosty. Literaturno-khudozhestvennyy i obshchestvenno-politicheskiy al'manakh* [Bridges. Literary-artistic and socio-political almanac], 12, 272-297.
4. Bulgakov, M. A. (1990). *Sobranie sochineniy: v 5-ti tt.* T. 5 [Collected works: In 5 vols. Vol. 5]. *Khudozhestvennaya literatura.*
5. Bukhshtab, B. Ya. (1930). *O Marshake* [About Marshak]. *Kniga detyam* [Book for children], 1, 16-20.
6. *Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TsK RKP(b) - VKP(b), VChK - OGPU - NKVD o kul'turnoy politike. 1917-1953* [Power and the artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP(b) - VKP(b), Cheka - OGPU - NKVD on cultural policy. 1917-1953]. (1999). *Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya".*
7. Galushkin, A. Yu. (1997). *Diskussiya o B. A. Pil'nyake i E. I. Zamiatine v kontekste literaturnoy politiki kontsa 1920-kh - nachala 1930-kh gg* [The discussion about B. A. Pilnyak and E. I. Zamiatine in the context of literary policy at the end of the 1920s - beginning of the 1930s].

and E. I. Zamyatin in the context of literary policy of the late 1920s - early 1930s]. [Abstract of candidate's dissertation]. Moscow.

8. Gasparov, M. L. (2022). Marshak i vremya [Marshak and time]. In *Sobranie sochineniy: v 6-ti tt. T. 3* [Collected works: In 6 vols. Vol. 3] (pp. 990). Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Gorky, M. (1970). Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedeniy: v 25-ti tt. T. 7 [Complete collection of artistic works: In 25 vols. Vol. 7]. Nauka.
10. Dekrety sovetskoy vlasti. T. 1 [Decrees of Soviet power. Vol. 1]. (1957). Politizdat.
11. Dzhabul Dzhabaev: Priklyucheniya kazakhskogo akyna v Sovetskoy strane: Stat'i i materialy [Dzhabul Dzhabaev: Adventures of a Kazakh akyn in the Soviet country: Articles and materials]. (2013). Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Dobrenko, E. A. (1997). Formovka sovetskogo chitatelya. Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoy literatury [The molding of the Soviet reader. Social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature]. Akademicheskii proekt.
13. Esenin, S. A. (1997). Polnoe sobranie sochineniy: v 7-mi tt. T. 2 [Complete works: In 7 vols. Vol. 2]. Nauka - Golos.
14. Zelinsky, K. L. (1988). V iyune 1954 goda [In June 1954]. Minushee. Istoricheskiy al'manakh [The past. Historical almanac], 5, 54-103.
15. Zelinsky, K. (1991). Odnaya vstrecha u Gor'kogo (Zapis' iz dnevnika) [One meeting at Gorky's (From the diary)]. Voprosy literatury [Questions of literature], 5, 144-170.
16. Zoshchenko, M. M. (1928). Stat'i i materialy [Articles and materials]. Academia.
17. Iz perepiski A. M. Gor'kogo [From the correspondence of A. M. Gorky]. (1990). Izvestiya TsK KPSS [News of the Central Committee of the CPSU], 5, 215-218.
18. Istoriya sovetskoy politicheskoy tsenzury: dokumenty i kommentarii [History of Soviet political censorship: documents and commentary]. (1997). ROSSPEN.
19. Kibirov, T. (2007, February 19). Interv'y u s Viktorom Shenderovichem [Interview with Viktor Shenderovich]. Radio Svoboda. <https://www.svoboda.org/a/379466.html>
20. Krasnyy pesennik. Sbornik novykh i starykh revolyutsionnykh pesen i stikhov [Red songbook. Collection of new and old revolutionary songs and poems]. (1925). Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
21. Lenin, V. I. (1968). Polnoe sobranie sochineniy: v 55 tt. T. 12 [Complete works: In 55 vols. Vol. 12]. Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
22. Lipavsky, L. S. (2005). Issledovanie uzhasu [Investigation of horror]. Ad Marginem.
23. Literaturnaya gazeta. (1932, May 23). No. 23.
24. Mayakovsky, V. V. (1955). Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t. T. 1 [Complete works: In 13 vols. Vol. 1]. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
25. Mayakovsky, V. V. (1957). Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t. T. 6 [Complete works: In 13 vols. Vol. 6]. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
26. Mayakovsky, V. V. (1958). Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t. T. 10 [Complete works: In 13 vols. Vol. 10]. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
27. Mayakovsky, V. V. (1961). Polnoe sobranie sochineniy: v 13-ti tt. T. 13 [Complete works: In 13 vols. Vol. 13]. Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
28. Narbut, V. I. (2008). Chitatel' khochet romantizma [The reader wants romanticism]. In Stat'i. Retsepsii. Pis'ma [Articles. Reviews. Letters] (pp. 330). Institut mirovoy literatury.
29. Oksenov, I. A. (1926, July 20). Chto takoe "poputchik"? [What is a "fellow traveler"?]. Zhizn' iskusstva [Life of art].
30. O sovetskoy literature. Doklad A. M. Gor'kogo na Pervom vsesoyuznom s"ezde sovetskikh pisateley [About Soviet literature. Report by A. M. Gorky at the First All-Union Congress of Soviet Writers]. (1934, August 20). Literaturnaya gazeta [Literary newspaper], 106.
31. Pasternak, B. L. (1958). Doktor Zhivago [Doctor Zhivago]. Feltrinelli.

32. Pasternak, B. L. (2003). Novootkrytye pis'ma k Ariadne Efron [Newly discovered letters to Ariadna Efron]. Znamya [Banner], 11. <https://znamlit.ru/publication.php?id=2179>
33. Petrov, V. N. (2006). Turdeyskaya Manon Lesko [The Turgenevian Manon Lescaut]. Novyy mir [New world], 11, 6-43.
34. Platonov, A. P. (2011). Sobranie sochineniy: v 8 tt. T. 3 [Collected works: In 8 vols. Vol. 3]. Vremya.
35. Primochkina, N. N. (2018). "Pishu Vam, potomu chto ochen' Vas lyublyu i tsenyu..." (Pis'ma N. I. Bukharina Gor'komu) ["I'm writing to you because I love and value you very much..." (Letters from N. I. Bukharin to Gorky)]. In Vremya Gor'kogo i probely istorii. Materialy i issledovaniya. Vyp. 14 [Gorky's time and gaps in history. Materials and research. Issue 14] (pp. 432). Institut mirovoy literatury.
36. Prishvin, M. M. (2009). Dnevnik. 1932-1935 [Diaries. 1932-1935]. Rostok.
37. Ronen, O. (1997). "Inzheneriy chelovecheskikh dush": k istorii izrecheniya ["Engineers of human souls": On the history of the saying]. Lotmanovskiy sbornik. Vyp. 2 [Lotman collection. Issue 2] (pp. 860). OGI.
38. RSFSR. (1936, February 1). Pravda [Truth], 31.
39. Semenov, S. (1939). Sovetskaya poeziya i deti [Soviet poetry and children]. Detskaya literatura [Children's literature], 4, 9-10.
40. Stalin, I. V. (1997). Sochineniya: v 18-ti tt. T. 15 [Works: In 18 vols. Vol. 15]. Pisatel'.
41. Strofy veka: Antologiya russkoy poezii [Stanzas of the century: Anthology of Russian poetry]. (1999). Polifakt.
42. Tertz, Abram [Sinyavsky, A. D.]. (1988). Chto takoe sotsialisticheskiy realizm [What is socialist realism]. Syntaxis.
43. Timenchik, R. D. (2014). Posledniy poet. Anna Akhmatova v 60-e gody. T. 1 [The last poet. Anna Akhmatova in the 1960s. Vol. 1]. Gesharim - Mosty kul'tury.
44. Toporov, A. M. (2015). Krest'yane o pisate lyakh [Peasants about writers]. Belgorod.
45. Khodasevich, V. F. (1996). Sobranie sochineniy: v 4-kh tt. T. 4 [Collected works: In 4 vols. Vol. 4]. Soglasie.
46. TsGALI SPB. F. 35. Op. 3. D. 97. L. 52. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg. Fund 35. Inventory 3. File 97. Sheet 52.]
47. Chudakova, M. O. (2002). "Voennoe" stikhotvorenie Simonova "Zhdi menya..." (iyul' 1941 g.) v literaturnom protsesse sovetskogo vremeni ["Military" poem by Simonov "Wait for me..." (July 1941) in the literary process of Soviet times]. Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review], 58, 223-259.
48. Chudakova, M. O. (2007). Moskva - Peterburg/Leningrad i russkaya belletristika sovetskogo vremeni. Soobrazheniya k teme [Moscow - Petersburg/Leningrad and Russian fiction of Soviet times. Considerations on the topic]. In The real life of Pierre Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. Part. 2 (pp. 402-430). Stanford University.
49. Chudakova, M. O. (2006). Russkaya literatura XX veka: problema granits predmeta izucheniya [Russian literature of the 20th century: The problem of the boundaries of the subject of study]. Toronto Slavic Quarterly, 18. <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/chudakova18.shtml>
50. Shalamov, V. T. (2013). Sobranie sochineniy: v 6-ti tt. T. 1 [Collected works: In 6 vols. Vol. 1]. Terra - Knigovek.
51. Erde, D. I. (1926). Negramotnost' i bor'ba s ney [Illiteracy and the fight against it]. Proletariy.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: СОВРЕМЕННАЯ ПАРАДИГМА

LITERARY CRITICISM: A MODERN PARADIGM

Научно-теоретический журнал

2025. № 1. Дата выхода: июль 2025 года.

© Национальный университет Узбекистана имени Мирзо
Улугбека, 2025. Все права защищены.

За содержание публикаций и высказанные позиции
исключительную ответственность несут авторы публикаций.
Редакция оставляет за собой право публиковать материалы в
дискуссионном порядке, не разделяя отдельных позиций авторов.